

Невозвратный билет

Автор:

[Маша Трауб](#)

Невозвратный билет

Маша Трауб

Проза Маши Трауб. Жизнь как в зеркале

Обстоятельства бывают сильнее нас... Выражение, известное каждому. Но оказывались ли вы в подобной ситуации? Наверняка кто-то ответит, что такое происходит чуть ли не каждый день, а иные, как и герои рассказов, вошедших в этот сборник, никогда этого не признают, какие бы истории с ними ни случились, будь то задержка самолета или смена паспорта. Казалось бы, банальные ситуации, в которые вмешиваются те самые обстоятельства... Но именно они могут раз и навсегда изменить жизнь человека. И как раз в моменты бессилия, когда все идет не по плану, не поддается контролю, когда почва уходит из-под ног от страха и неизвестности, человек оказывается способен на самые удивительные поступки.

Маша Трауб

Невозвратный билет

© Трауб М., 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Зал ожидания

– С днем рождения! С днем рождения!

В аэропорту компания молодых людей, две девушки и парень, пили шампанское. Парень страдал отчаянно, выразительно. От именинницы, чересчур громкой во всем – в разговоре, радостных вскриках слегка «экзажере», от необходимости кричать поздравления и пить шампанское. Наконец он с явным облегчением сел, открыл ноутбук, вставил наушники и погрузился... в то, что ему явно приносило большее удовольствие, чем эта поездка «на троих».

– Ну не могла же я ей отказать! – шептала некоторое время назад на ухо молодому человеку девушка. – Ну потерпи. Всего три дня!

Про именинницу вскоре узнали все пассажиры, вылетающие этим рейсом. Зовут Алиса, но она предпочитает имя Элис. Исполняется тридцать лет. Да, именно в этот день. Не замужем, но и не в активном поиске. Работает в какой-то компании специалистом по связям с общественностью. Детей нет, склоняется к идеологии чайлдфри. Сделала сама себе подарок на тридцатилетие – увидеть северное сияние. Подруга – даже не подруга, а коллега – согласилась составить компанию, тем более что на троих выходило существенно дешевле. Алиса взяла на себя всю организацию, от билетов до экскурсий. Подруга-коллега давно собиралась куда-нибудь поехать, чтобы «освежить чувства», угасшие спустя год после свадьбы. В качестве аргумента в пользу поездки пересказывала легенду, согласно которой дети, зачатые под северным сиянием, непременно рождаются гениями. И она просчитала – все идеально совпадает для момента зачатия. Про легенду и детей она рассказала свекрови, которая отчаянно жаждала внуков, а та уже убедила сына лететь смотреть сияние. И чтобы вернуться непременно с зачатым гением.

Рядом с молодым человеком сидел дедушка в модном респираторе, чуть ли не противогазе, а не в обычной маске. Он тоже был раздражен и с ненавистью глядел на телефон последней модели, трезвонивший каждую минуту. Чтобы ответить, дедушка надевал очки, долго и сосредоточенно разглядывал экран, аккуратно нажимал кнопку и с некоторым недоверием говорил: «Слушаю». Отодвигал телефон от уха и смотрел на него с удивлением – неужели это устройство разговаривает? «Нет, еще не вылетел. Да, жду посадку. Напишу, когда приземлюсь», – говорил дедушка, обращаясь не к собеседнику на том конце, а к телефону. Но дедушке можно было только позавидовать: столько людей о нем беспокоятся! Наконец он нажал на кнопку, отключая телефон,

упаковал его в чехол и убрал в портфель. Закрыв глаза, явно намереваясь вздремнуть.

Здесь же, через кресло, сидел элегантный мужчина в возрасте, том самом, когда в волосах уже совсем немного перца. Узкие очки для чтения, пиджак с кожаными заплатками на локтях, вельветовые брюки – вечная классика. Так и хотелось подойти и узнать, по каким делам он летит так далеко. В качестве ручной клади у него, конечно же, должен был быть портфель, непременно тонкой, слегка потертой временем кожи. Но у мужчины оказался вполне молодежный рюкзак с ортопедической спинкой. Из него он достал книгу – увесистый том.

Женщина за пятьдесят, ухоженная, с маникюром и укладкой, с шелковым платком на шее, дорогой сумкой, присела рядом с элегантным мужчиной, проигнорировав социальную дистанцию.

– Простите, а вы детей не видите? – взволнованно спросила она.

– Нет, простите, – ответил он, оставаясь мыслями в книге.

– Знаете, я всегда нервничаю, когда нет детей. Боюсь летать. И верю: если на борту будут дети, господь нас убережет. Детей пощадит и нас заодно, – призналась женщина. – Как вы считаете? У вас есть дети?

– Есть. Не пощадит, – отчеканил не очень-то вежливо мужчина.

– Зачем вы так зло? – обиделась женщина и отсела.

Самолет вылетал вовремя. Вырулили на полосу, остановились.

– Смотрите, как красиво! – воскликнула Алиса, показывая на иллюминатор. Самолет проходил противоледную обработку. По иллюминатору стекала нежно-розового цвета пена, будто самолет намылили детским шампунем. – Ой, даже рисунки появляются! Вот лошадка, тут снеговик, а тут моя начальница. Прическа один в один, – смеялась Алиса.

Парень закатил глаза и вставил наушники. Девушка-коллега улыбалась лишь из вежливости.

Пена давно сползла, а самолет так и не двигался с места.

«По техническим... причинам... на место стоянки... благодарим за понимание...» – объявил по громкой связи командир.

– Что случилось? Почему мы задерживаемся? Это надолго? – спрашивала все время Алиса.

– Технические причины, – отвечал, пробегая по салону, стюард Павел. Стюардессы спрятались за занавеской и не высовывали носа.

– Скажите, а я успею на северное сияние? Наш рейс задерживают. Можно отложить поездку на час? Да, спасибо! Я позвоню, когда будем вылетать. Почему не надо звонить? Хорошо, что вы нас ждете, но я все же позвоню, – говорила Алиса, видимо тем, кто отвечал за северное сияние.

Самолет медленно начал двигаться и пополз к зданию аэропорта. Прошло десять, пятнадцать минут, полчаса, но ничего не происходило.

– Простите, вы не знаете, что случилось? – спросила та самая взволнованная женщина в платке у элегантного мужчины с книгой. Они оказались соседями по ряду. Судьба так иногда шутит.

– Война, – ответил он, не отрываясь от чтения.

– Какая война? Где? – ахнула женщина.

– Во Франции. – Мужчина продолжал читать.

– Господи, ну разве можно так шутить? – возмутилась женщина.

– Добрый день еще раз, это снова Алиса. Да, мы еще не вылетели. А можно что-то сделать с северным сиянием? Ну как-то задержать? Я не знаю. Что вы делаете в подобных ситуациях? Как ничего? Вы же менеджер!

Все молчали, с интересом ожидая, как менеджер турфирмы решит проблему с сиянием.

– Вы издеваетесь? Конечно, я знаю, что его нельзя включить и выключить! – Алиса была готова к скандалу. – Как это ловить надо? Вы не предупредили! Когда я покупала тур, в нем ни слова не было про то, что сияние нужно ловить. Вы же его гарантировали! А что делать моим друзьям? Они специально подстраивали графики, мы с вами это тоже обсуждали. Почему друзья китайцы? Русские! Вы что, только для китайцев зачатие под сиянием организовываете? Если нужно доплатить, так и скажите. Вот что, я хочу поговорить с вашим начальством. Кто там у вас за все это отвечает? В смысле – Господь Бог? Да, соедините. Нет, сейчас, а не через пятнадцать минут! Что значит – с кем? С Богом или с менеджером? Вы понимаете, что я напишу про вас в соцсетях? Я очень известный блогер.

Она трубку положила! Ну, вообще! – Алиса онемела на пару минут, но ее бурная энергия и экзальтация требовали немедленного выхода. На свою беду, в тот самый момент по проходу пробежал стюард Павел. Он был молод и пуглив, а Алиса в свои тридцать не утратила способности изображать девичью наивность и надувать губы. Она выскочила в проход и преградила стюарду путь. Шампанское еще не успело выветриться, так что Алиса была готова на любые подвиги, как бывают готовы тридцатилетние девушки, не обремененные семьей и обязательствами. Плюс губы, плюс юный румянец, от шампанского, разлившийся по щекам. Паша резко затормозил. Нет, Алиса не могла считаться красавицей ни по каким канонам. Но у нее удивительным образом получалось изображать капризную, избалованную мужским вниманием нимфетку. Впрочем, Павел тоже не мог сойти за Аполлона. Даже коллеги-девушки смотрели на него как на домашнего питомца, щенка корги, например: вызывает умиление, но заводить у себя дома не станешь.

– Паша! – закричала Алиса так, что стюард забыл, куда бежал. – Почему мы стоим? Что происходит?

Алиса легко пустила вполне искреннюю слезу. Возможно, именинница была очень расстроена тем, что поездка пошла не по плану, а может, дело было в наращенных ресницах, которые позволяли рыдать в свое удовольствие. Благодаря Алисе, смотревшей на Пашу, как любят мужчины – снизу вверх, как на спасителя всего человечества, все пассажиры узнали, что после розового

противоледного шампуня в кабине пилотов не сработал какой-то датчик. Поэтому самолет согласно инструкции отправили на стоянку и теперь будут менять борт, что означает задержку минимум на час – требуется выгрузить багаж и загрузить в новый самолет.

– Я же говорила, если нет детей на борту, все будет плохо, – пролепетала интеллигентная женщина в шейном платке и с ненавистью посмотрела на элегантного мужчину, который по-прежнему был погружен в чтение. Женщину понять можно – ей тоже требовалось мужское внимание: поговорить, обсудить ситуацию, услышать слова поддержки.

В это время от зазвеневшего на весь салон телефона очнулся дедушка.

– Что? Где я? Не знаю. Уснул, – отвечал он трубке.

– Мы еще не вылетели. Рейс задерживают, – подсказала ему взволнованная женщина.

– Тут говорят, рейс задерживают, – послушно отчитался трубке дедушка, – не знаю на сколько. Почему не позвонил? Так уснул, говорю же.

Павел выпростался из объятий Алисы, увидев знаки, которые ему подавала коллега. «По техническим причинам... Задержка... в здание аэропорта... О времени вылета будет объявлено...» – раздался его голос по громкой связи.

– Паша! А где курилка? – воскликнула Алиса на весь салон, и все курящие пассажиры были ей в тот момент очень благодарны.

– А что, курилки вернули? – удивился парень, путешествующий с Алисой.

– Конечно! Я специально уточняла, – ответила та.

– Поднимаетесь на этаж выше и идете налево до конца зала, там рядом ресторан итальянский, – объявил Паша, нарушая все инструкции.

В салоне раздались аплодисменты.

– Паша, вы мой герой! – выкрикнула Алиса.

Пассажиры вернулись в зал ожидания. Весь рейс кинулся в ближайшее кафе – уходить далеко было страшно.

– Что случилось? – спрашивали ошарашенные официантки, которым вдруг предстояло поработать.

Через десять минут все запасы спиртного в кафе оказались исчерпаны. Пили все и всё, что имело хотя бы какие-то градусы. Кто-то из смелых и курящих затаривался спиртным на верхнем этаже. Те, кто боялся пропустить рейс и оставался «дежурить» у выхода на посадку, просили купить и для них. Алиса составляла списки и записывала телефоны. Заодно составляла список тех, кто будет требовать компенсацию за задержку рейса, искала среди пассажиров адвоката, чтобы составить претензию в суд, обрывала горячую линию авиакомпании и ее же пресс-службу. То ли благодаря бурной деятельности Алисы, то ли вопреки ей, но вдруг по громкой связи всех пассажиров рейса пригласили взять прохладительные напитки, стоимость которых не превышает восемьдесят рублей.

Напитки выдавались в кафе, где в одной очереди оказались взволнованная женщина в платке и элегантный мужчина с книжкой. Тот жестом пропустил даму вперед. Она интеллигентно взяла чай и неинтеллигентно картошку с вмазанным в нее салатом оливье. Мужчина поморщился, но уже через минуту они сидели за одним столиком и ели эту картошку. Заказали еще, чтобы в картошку был вмазан сыр. Они обсуждали кафе-мороженые, пончиковые, сосисочные прошлых времен. Форму креманок и кофейных чашек. Пивные кружки и стаканы в автоматах с газировкой. Яблочный сок из конуса в магазине и томатный из трехлитровой банки. Мужчина под действием картошки с оливье не первой свежести и чая, который из пакетика приходилось чуть ли не выжимать, чтобы добиться минимальной заварки, вдруг почувствовал себя студентом, молодым и задорным. Он вдруг забыл про гастрит, диету и про то, чем ему может грозить майонез. А когда мимо пронеслась Алиса с бутылкой шампанского и, увидев парочку, затормозила, мужчина уже вошел в раж.

– Не вы заказывали шампанское? – спросила Алиса, сверяясь со списком в телефоне.

- Не мы, но я готов! - ответил мужчина.

- Забирайте! На карту мне переведете. Я завела общий чат, добавлю вас. Номер мне диктовали? Нет? Записываю. Хорошо. Карта привязана к номеру.

Мужчина открыл шампанское и разлил в те же бумажные стаканы, в которых до этого плескался чай.

- Ну за что выпьем? За наше случайное знакомство? - спросил он.

- Давайте, чтобы все были здоровы! - предложила женщина.

- Прекрасный тост! - расхохотался мужчина.

Спустя минут десять он то и дело повторял, что Елена, так звали женщину, не должна помнить пончиковую или то самое кафе, все же они из разных поколений. Насколько она его младше? На тридцать лет минимум! Женщина кокетливо улыбалась и твердила: «Ну, что вы... какие тридцать лет... Ну конечно, я застала то кафе!»

Рейс оказался курящим, и дверь курилки не закрывалась. Итальянское кафе привлекало посетителей не запахом пиццы, а запахом табака. Это заведение в то утро сделало месячную выручку. Многие путешественники и не знали, что в здании аэропорта вернулись курилки, но курильщик со стажем чувствует запах табака за километр. Так что, выкурив сигарету, на которую даже не рассчитывали, пассажиры шли в кафе быстро закусить, выпить и успеть выкурить еще одну. Наконец по громкой связи объявили посадку. Никто не опоздал, никто не задержался. Все оперативно погрузились в автобус и поехали кататься по территории аэропорта. Ехали долго.

- Ну что, может, на автобусе сразу до места докатим? Тут по трассе до Питера, а там с ветерком! - предложил кто-то из пассажиров. Все дружно похихикали. Но еще через десять минут поездки кто-то воскликнул:

- Куда нас везут? Самолеты уже все закончились!

Взволнованная женщина в платке при торможении вскрикивала и падала на грудь элегантному мужчине. Тот не без удовольствия ее придерживал. Дедушка рассказывал телефону, что едет в автобусе. Куда? Понятия не имеет. Нет, он не путает автобус с самолетом. Да, колесами едет. И хватит ему уже звонить. Алиса, кажется, успела отметить день рождения в кафе и дошла до стадии, когда хочется плакать и звонить бывшему. Она хлюпала носом и причитала как ослик Иа: «В такой день... в такой день...» Бывшему не звонила, поскольку их, этих бывших, было несколько и кто самый бывший, достойный ее звонка, Алиса припомнить не могла, о чем сообщала всему автобусу. «Дорогая, зато вы этот день запомните на всю жизнь», – сказала ласково, думая о своем, взволнованная, но уже счастливая женщина в платке. Автобус ехал ровно, но она все еще прижималась к элегантному мужчине. Тот не возражал.

Но один самолет все же одиноко стоял на взлетном поле. Из какого гаража достали борт, одному богу авиации известно. Пассажиры оперативно погрузили ручную кладь, пристегнулись без всякого напоминания и приготовились наконец взлетать. Стюард Паша быстро показал, как надевать кислородные маски, и скороговоркой произнес остальной положенный текст про запасные выходы. Первый пилот принес извинения за задержку и пожелал приятного полета. Самолет вырулил на полосу, остановился, к нему подъехали машины с шампунем и полили щедро, от всей души.

И тут вдруг в конце салона закричала женщина. Кричала надрывно и громко. Ее кинулись успокаивать. Паша пронесся по салону со скоростью самолета. Женщине предлагали таблетки, дышать носом, думать о хорошем. Паша убежал и примчался с водой. Женщина кричала про «проклятый рейс», «знаки судьбы» и собиралась выйти. Да, прямо сейчас. Немедленно. Возможно, ее бы удалось успокоить, но ее соседка начала истово креститься и читать мощным и хорошо поставленным голосом «Отче наш». Если бы дело происходило в церкви, а не в самолете, можно было бы отметить, что женщина читала молитву очень красиво. Как песню. И тембр голоса удивительно приятный, немного с бархатом. Одно удовольствие слушать. Но на воздушном, так сказать, судне молитва или, скорее, манера чтения произвела ровно противоположный эффект. Вместо успокоения она вызывала отчаянное желание сойти с рейса и побежать в церковь замаливать грехи, благодарить Бога за то, что уберег от катастрофы. Еще одна женщина начала обмахиваться инструкцией по безопасности и рвать на груди ворот кофты, будто задыхаясь. Она стала вспоминать случаи, когда человек опоздал на рейс, а все пассажиры погибли в авиакатастрофе и только этот опоздавший выжил. Или еще случай, как человек в последний момент все же попал на рейс, хотя опаздывал, но рейс как раз задержали, и он успел, но

умер прямо на борту от инфаркта. А вот у ее мужа однажды машина не завелась, и в то самое время, когда они должны были находиться в пути, на той самой дороге, по которой они должны были ехать, ровно в том самом месте, в котором они должны были оказаться, случилась жуткая авария. Пять машин, четыре человека погибли.

– Не нагнетайте, пожалуйста, – сдерживаясь из последних сил, твердила еще одна женщина. – Паника очень опасна. Я психолог. Цепная реакция может начаться. Не поддавайтесь...

Психологом она была, возможно, и хорошим, но в той ситуации от ее слов стало только хуже. Воцерковленная пассажирка осеняла крестным знаменем не только себя, но и весь самолет и начала читать молитву сначала, но еще громче и еще пронзительнее, будто собиралась докричаться до небес, буравя взглядом лампочку индивидуального освещения и пимпочку, из которой шаршил воздух. Даже Алиса притихла. Паша метался по проходу, отвечая на вопросы сидящих впереди. «Женщине нехорошо. Нет, не сердце, все в порядке. Нет, врач не нужен. Просто переволновалась».

– Пожалуйста, поговорите со мной, – попросила взволнованная женщина элегантно мужчину.

– Простите, не могу. Я должен почитать. Меня успокаивает чтение. – Он достал свою книгу и уткнулся в страницу. – У меня с собой еще один том. Достать для вас?

Взволнованная женщина смотрела на своего спутника с ужасом в глазах. Как она могла прижиматься к этому человеку? Как могла ему симпатизировать? Ведь он ей с первого взгляда не понравился! Украдкой утирая слезу, плечом выражая гнев и разочарование, она разглядывала жизнь за окном иллюминатора. Или думала вовсе о другом.

Молодые супруги, отправлявшиеся за зачатием под северным сиянием, поругались.

– Я с самого начала был против этой поездки, – бурчал молодой человек.

– Ты всегда против. Чтобы я ни предложила, тебе все не нравится, – отвечала громким шепотом девушка. – Тогда сам и говори своей маме, что это ты не хочешь детей, а не я не могу родить, как она думает.

– Ничего я ей говорить не собираюсь. У меня работы полно. Из-за этой поездки мне потом ночами сидеть. И не начинай про мою маму, – не промолчал молодой человек.

– А у меня, можно подумать, нет работы, да? – воскликнула девушка. – Только ты работаешь! Не хочешь детей, не надо. Я тоже как-то не готова пока рожать, если что. Только у меня никто не поинтересовался, чего я вообще хочу. Твоя мама за меня все решила.

– Ты хоть понимаешь, какую чушь ты несешь? – возмутился молодой человек. – Что за тебя решила моя мама? Не готова рожать, так не рожай. Ты хоть слышишь себя со стороны? У тебя во всем виновата свекровь. Прямо анекдот какой-то. Еще твоя полоумная подруга всему самолету успела сообщить, что мы едем зачинать ребенка под северным сиянием. На меня смотрят как на сектанта или больного на всю голову.

– Да это шутка, ты совсем шуток не понимаешь? И Алиса мне не подруга. Просто коллега. Ты же не захотел лететь в Турцию или Египет. То тебе пошло, то все прутся, а ты не такой, видишь ли. Сказал бы просто, что тебе денег жалко, вот ты и согласился на эту поездку, раз Алиса часть расходов на себя взяла. – Девушка говорила уже зло, отчаянно, на срыве.

– Мне нужно просмотреть еще три графика, – ответил молодой человек и нацепил наушники.

– Мы разговариваем! – закричала девушка. – Сними немедленно наушники, или я сейчас их выброшу! Ты всегда так делаешь! Как только я пытаюсь с тобой что-то обсудить, ты надеваешь эти долбанные наушники! Я вообще никуда не хочу лететь! С тобой! Иди ты в жопу!

– Не хочешь, не лети, вон запасной выход. Дерни ручку и выдави стекло, – ответил молодой человек.

– Придурок.

Девушка замолчала. На короткое время все утихло. Слышалась только молитва, которую продолжала читать воцерковленная женщина.

Паша уже не неся по проходу, а шел вполне спокойно, держа в руках сразу три стаканчика с водой на случай, если кому-то понадобится.

Он благополучно дошел почти до начала самолета, как его окликнул молодой человек. Высокий, вполне brutальный на вид. До этого он сидел тихо. Вообще в головной части самолета все вели себя достаточно тихо – паника началась в хвосте.

– Простите, пожалуйста, – окликнул Пашу молодой человек.

– Да? Воды? Пожалуйста. – Паша с готовностью протянул стаканчик, надеясь, что на этом просьбы пассажира будут исчерпаны.

– Нет, скажите, мне интересно, – продолжал молодой человек. – А почему самолет обрабатывают жидкостью именно розового цвета? Это безопасно? Вы знаете, что входит в состав этого средства? Мне кажется, я чувствую запах.

– Нет, этого не может быть, – горячо заверил молодого человека Паша. – Самолет закрыт. Этой жидкостью обрабатываются все самолеты, так что могу вас заверить в ее безопасности.

– А какой именно датчик не сработал в первый раз? – не отставал молодой человек.

– Я не знаю. Я же стюард. – Паша отчаянно пытался сбежать.

– А если в этот раз тоже не сработает датчик?

– Не волнуйтесь, все будет хорошо. Пристегнитесь и затяните ремень безопасности, пожалуйста.

Но молодой человек вдруг начал сдирать с себя ремень безопасности.

– Я хочу выйти. Немедленно. Нет, я хочу поговорить с командиром экипажа. Получить ответы на вопросы.

– Сядьте, пожалуйста. – Паша искал глазами поддержку у остальных пассажиров. Но те пожимали плечами. Мол, что тут можно поделать? Сорвался человек. – Хотите, я принесу вам успокоительное? – спросил стюард без всякой надежды в голосе.

– Нет, я хочу выйти! Сейчас же! Вы же не имеете права меня задерживать?

– Конечно, нет. Никто вас не задерживает, – покорно согласился Паша.

– То есть я в любой момент могу выйти из самолета и не лететь? – уточнил молодой человек.

– Да, если только мы не в воздухе, – кивнул Паша.

– А мы не в воздухе, поэтому выпустите меня немедленно. Я требую! – закричал на весь салон молодой человек.

– Хорошо, конечно. Подождите буквально две минуты. Мне нужно доложить о ситуации.

Еще через пятнадцать минут мучительного ожидания Паша объявил по громкой связи, что самолет вновь возвращается на место парковки к зданию аэропорта.

– Почему? Что опять случилось? – закричали пассажиры чуть ли не хором.

– По техническим причинам, – ответил Паша.

– Паша! Что происходит? – Алиса, долго молчавшая, решила вновь выйти на сцену. – Мы же имеем право знать! Объясните хоть что-то. Мы же живые люди!

На связь вышел командир корабля, объявивший, что новая задержка происходит из-за того, что некоторые пассажиры решили отказаться от полета. И сейчас стюард Павел пройдет по салону и составит список желающих, точнее не желающих лететь. А пока всем следует оставаться на своих местах с

пристегнутыми ремнями.

- Как список? То есть много желающих? - ахнула Алиса. - Это значит, опять будут выгружать багаж? Еще на час задержка? А как же я? Как же мой день рождения? А северное сияние? Не понимаю... И что теперь делать?

- Алле! - У дедушки опять яростно зазвонил телефон. - Что значит, где я? В самолете, где же еще? Нет, мы не летим, мы едем. Да, колесами едем по полю. Куда? Откуда я знаю куда? Что? На табло указано, что мы летим? Нет, мы точно не летим. Нет, не только я, весь самолет не летит!

Дедушка нажал на кнопку телефона и посмотрел на него с ненавистью.

- Почему они думают, что я старый дурак? - спросил он сам себя.

- Они просто беспокоятся. Это же счастье, - взволнованно отозвалась женщина в платке. - Мне бы иметь таких заботливых детей и внуков. Как хорошо вы их воспитали! Мой сын если и позвонит раз в месяц, и то счастье.

- А вы ему пообещайте завещание оставить, он тоже начнет звонить каждые пять минут, - ответил дедушка. - Тяжело мне без Кати. Она с ними умела, а я не умею... Не могу. Бросила она меня, никому я не нужен. Мне вон дети билет оплатили, такси, лишь бы приехал и бумаги подписал.

- А почему документы по почте не отправили? - Элегантный мужчина оторвался от книги.

- Они мне не доверяют, будто я полоумный. Хотят убедиться, что я все правильно подпишу, - пожал плечами дедушка.

- Так не подписывайте, и все. Откажитесь. Прямо сейчас можете выйти, - посоветовал элегантный мужчина.

- Зачем мне? Без Кати ничего не нужно. Это ее все - и дача, и сад, и дом. Она для детей и внуков старалась. Мечтала, чтобы они приезжали на лето или в гости. Каждое лето ждала. А они все обещали: «На следующий год - точно». Катя моя не дождалась.

– Она вас бросила? – ахнула взволнованная женщина.

– Да, бросила. Умерла. Дети на похороны не приехали. Дела у них. Деньги да, прислали. Но зачем мне деньги? Я Катю свою рядом, на местном кладбище похоронил. Под березкой, как она хотела. Пусть забирают все. У меня только одно условие – пусть меня рядом с Катей похоронят. Скорей бы к ней. Устал я здесь без нее. Ради нее и на дачу эту ездил, и грядки копал, погреб вырыл, чтобы ей было где закрутки свои хранить. Она у меня такие закрутки делала! И грибочки, и компоты. А варенье какое... Все подпишет, каждую баночку, каждую крышечку тесьмой перевяжет. А огурчики малосольные ее... да с картошечкой... После ее смерти открыл банку, а есть не могу. Огурец поперек горла встал. Думал, задохнусь. Еле откашлялся. И пахнет рассол то ли плесенью, то ли смертью, а не укропчиком да чесночком. Соседям банки раздал. Кому они нужны? Детям предлагал привезти, они сказали, что не надо, еще за багаж платить отдельно. А если без багажа, то билеты дешевле. Такие дела. Ничего, мне уже недолго осталось. Вот долечу, документы все подпишу, и можно уже к Кате собираться. Я бы не полетел, но она бы расстроилась. Так она мечтала все детям и внукам оставить...

Взволнованная женщина тихо плакала. Элегантный мужчина смотрел в спинку впереди стоящего кресла, забыв про книгу.

– А вы зачем летите? – спросила взволнованная женщина у спутника. – По делам, наверное?

– Не знаю, наверное, по делам. Пригласили выступить в местной библиотеке. Директор – моя давняя знакомая, мы вместе в Ленинграде в школу ходили. Потом они переехали – отец военный. Там она и осталась. Нашла меня в Одноклассниках, написала, предложила приехать. Я не смог отказать. Первая любовь... Даже не знаю, почему согласился. Если честно, уже сто раз пожалел. Я бы и сам с удовольствием сошел с этого самолета. Ну что мы будем делать? Детство вспоминать? Не знаю... обычно отказываюсь от таких поездок. У меня график расписан. Лекции, семинары... Я обычно за границей выступаю, а уже год никуда не ездил. Пандемия. Сначала радовался – наконец время на чтение нашлось. Потом ненужным себя почувствовал. Никто не звал – границы закрыты, а я уже не так молод, чтобы искать другие пути и стыковочными рейсами летать. Тяжело. Давление высокое. С утра уже две таблетки выпил. А тут вдруг она написала и предложила приехать. Я опять себя нужным почувствовал. А книги эти? Я так память тренирую: учу наизусть прозу. Врач посоветовал.

Раньше лекции читал, даже в записи не заглядывал, а сейчас выхожу и слово не могу вспомнить. На языке крутится, а я не помню, хоть убей. Потом мучаюсь до тех пор, пока не вспомню. Места себе не нахожу. Могу ведь в интернет заглянуть, но нет, хочу сам. Таблетки пью, а толку никакого. А после такого перерыва вообще страшно на публику выходить. Вот хотел потренироваться перед, так сказать, неискушенной аудиторией. Нехорошо это. Нельзя так. Я знаю. Все понимаю. Но что мне делать? Я уже не мальчик, не молодой ученый, не блестящий лектор, каким считался. Никому я не нужен. Вот только здесь меня еще ждут.

– Я тоже забывчивой стала, – призналась взволнованная женщина. – Вспоминала, как внуку зовут. У меня внучка есть. Сын за границей давно живет. Я внуку даже не видела, только по ватсапу. Они собирались приехать, да границы закрылись. Ну как можно имя внучки забыть? А я не помню и спросить стесняюсь. Похоже на французское имя Амели. Точно не Эмили. Может, Амаль? Или Амелия? Я внуку Анечкой называю.

– А вы зачем летите? – спросил элегантный мужчина.

– Ой, вы будете смеяться. Или решите, что я сумасшедшая. Я ведь чужда суевериям. Не понимаю, с чего вдруг...

– Ну я же признался. Ваша очередь. Обещаю, смеяться не буду. Тем более над суевериями. Это ведь своего рода спасение для мозга. Когда человеку не во что больше верить, все возвращается к истокам – язычеству, приметам, заговорам.

– Там деревня особая. Туда приезжали шаманы, ставили защиту. Идолы есть древние. К ним со всего света люди приезжают, сокровенные желания загадывают. Говорят, что эти идолы обладают настоящей силой. Да, знаю, что это сказки для туристов. Ну а вдруг?

– И что вы хотите загадать?

– Ничего особенного. Здоровья для сына, его жены и внучки. Для себя немножко. Счастье свое встретить. Я же одна. Мне бы хотелось встретить мужчину, с которым можно было бы поговорить, сходить в театр, заварить чай и посидеть тихо на кухне, молча. Дедушка не может жить без своей покойной жены, а я устала быть одинокой. Пока сын был маленький, я не позволяла себе думать о

личном. Никаких серьезных отношений. Так, случайные романы, ни к чему не обязывающие. Не хотела, чтобы у него был отчим. А мне всегда хотелось семьи, настоящей, крепкой. Я ведь по натуре домоседка и квочка. Всегда мечтала быть бабушкой, которой отдают внуков или которую вызывают при первой необходимости. Когда сын вырос и уехал, оказалось, что я уже не так молода. Да и внучке не нужна, получается. Дом есть, а жизни в нем нет. Подруги советуют зарегистрироваться в тиндере, но я не могу через себя переступить. Да, сейчас все ищут пару в соцсетях, на сайтах знакомств, но я хотела так, по старинке. А если не судьба, то и не надо. Вот в этой деревушке стоит идол, который за любовь отвечает. У него и хотела попросить личного счастья. Для себя. Это совсем пошло, на ваш вкус?

– Почему пошло? Очень трогательно. Немного наивно и глупо, но я же согласился на поездку, вспомнив о девочке, в которую был влюблен в младших классах? Тоже глупо и наивно. Боюсь ее увидеть. Она уже бабушка, я лысый и седой. Но для меня она осталась девочкой с косичкой и здоровенным бантом. А у меня такие вихры в детстве были, такие кудри, что мама не могла их расчесать. Вот, три волосины осталось. Так что над кем еще смеяться.

– Паша! А если половина самолета сойдет, оставшиеся полетят? – спросила Алиса. Несмотря на заполошность, девушка умела четко сформулировать вопрос и задать его в лоб.

– Конечно! – заверил Паша. – Мы все равно улетим!

Взволнованная женщина вдруг рассмеялась:

– Мой сын. Он познакомился с будущей женой в самолете. Ему стало плохо. Аллергическая реакция. Она его за руку держала и таблетки дала. Потом они говорили, что «сами небеса соединили их». Тогда я думала, что пошлее выражение сложно придумать. А сейчас я их понимаю. Вдруг небеса решают, кого свести вместе?

– Только мы все еще на земле, – расхохотался элегантный мужчина. – Но сама идея мне нравится.

– Прекратите надо мной издеваться! – рассмеялась женщина. – Вы же тоже считаете, что все это лишь условность. Замкнутое пространство, единство

времени и места, идеальная обстановка для трагедии, фарса, комедии. Плюс синдром попутчика, когда можно рассказать постороннему человеку самое сокровенное.

– Я не издеваюсь, – улыбнулся мужчина. – Я впервые за многочисленные полеты хочу отложить книгу.

– О, это лучший комплимент в моей жизни!

Сойти решили многие. Не половина самолета, конечно, но человек пятнадцать точно. Паша объявил, что пассажиров не выпустят, а сотрудники службы безопасности сами поднимутся на борт. Таковы правила: вдруг сошедшие оставили на борту что-то опасное?

Шел пятый час задержки рейса.

Наконец сотрудники службы безопасности удалились, оставшиеся пассажиры добровольно, без напоминания пристегнулись, привели кресла в вертикальное положение и приготовились к взлету. Но вдруг Паша пробежал по салону как-то иначе. Так и хотелось сказать: «Графиня с изменившимся лицом бежит к пруду». Вот один в один Паша. Явно что-то опять происходило.

– Паша, скажи мне, я имею право знать! – Алиса отстегнулась и вышла в проход, преграждая Паше путь. Оставшиеся пассажиры в тот момент ее опять мысленно благодарили. Например, бабушка с трезвонящим телефоном, который тоже встал, подошел к Паше, поднес ему телефон и кивнул – мол, теперь объясняй. Паша помялся, сделал глубокий вдох, выдох и сообщил. У их экипажа закончилась смена, полетит другой. Такие правила. Экипаж не имеет права лететь после окончания смены, даже если никто никуда так и не вылетел. Так что теперь все будут ждать, когда старый состав покинет борт самолета, а новый зайдет.

Алиса рыдала на груди Паши и просила забрать ее с собой. Впрочем, все пассажиры не отказались бы провести этот вечер с Пашей в его доме. Алиса кричала: «Паша, не бросай меня! Можно мне с тобой? Забери меня отсюда! Ты не можешь так со мной поступить!» Даже коллеги Паши с интересом смотрели на него, пытаясь разглядеть в нем то, что увидела Алиса и не заметили они.

Стюард обещал звонить Алисе и спрашивать, как они взлетели и долетели.

– Обещаешь? – Алиса наконец перестала хлопать ресницами, надувать губы и стала похожа на обычную девушку, которая собирается отметить свой день рождения в компании даже не друзей, а случайных людей. Потому что семья далеко, в другом городе, до которого лететь дальше, чем до северного сияния. И туда возвращаться не тянут ни душа, ни сердце. Алиса, уже трезвая, растеряв от неожиданного известия всю свою экзальтацию, плакала так искренне, будто прощалась с единственным другом – заботливым, верным, надежным.

Паша, надо признать, таким и оказался. Он потом действительно звонил Алисе, они переписывались. Она кричала ему, что они наконец приземлились, и всем пассажирам передавала от Паши приветы и пожелания хорошо провести отпуск или благополучно вернуться к делам.

Стюарда провожали бурными продолжительными аплодисментами. Он краснел, бледнел, говорил, что не надо, хватит, ему неудобно, он просто делал свою работу. Воцерковленная женщина, узнав, что он некрещеный, обещала вернуться, отвести его в церковь и стать крестной матерью. Достала из сумки крестик, совсем простенький, на шнурке, и попросила Пашу не отказываться, взять.

– Вы наш ангел-хранитель. Я верю, что все будет хорошо, – сказала она, и Паша сам чуть не заплакал. Пока он шел по проходу, она по-матерински суетливо крестила его спину.

Минут на десять наступило затишье. То самое, которое перед бурей. Если хочется понять афоризмы или крылатые выражения, нужно оказаться в стрессовой ситуации. Буря не заставила себя ждать. Вдруг отлетела в сторону занавеска, отделявшая бизнес-класс от эконома, и в салон вошли мужчины с бутылками виски в руках. Наливали всем желающим. Сами были в очень приличном подпитии.

– Уважаемые пассажиры, – произнес громко мужчина, возглавлявший процессию. – Есть ли на борту пилот? Полетели уже, а? Я заплачу! Любые деньги!

Следующие полчаса мужчины из бизнес-класса выбирали стюардесс. Но это был тот случай, когда не совпадает градус. Алиса, которую уже знал в том числе бизнес-класс, тихонько плакала и не собиралась становиться главной стюардессой ни за какие деньги.

– Ну ладно тебе кобениться! – развязно сказал мужчина. – Давай пройдишь красиво.

– Нет, я сказала! – рявкнула вдруг Алиса, и он отступил. – На места свои вернулись быстро! Или я сейчас такую истерику закачу, что вообще никуда не улетим!

Мужчина кивнул и пошел в свой бизнес-класс.

Когда на борт поднялся новый состав, ему было чему удивляться: бизнес-класс, пьяный в хлам, Алиса, взявшая на себя функции бортпроводницы, разносившая воду по салону эконома, забрав бутылки из бизнеса, женщина, стоявшая в проходе и тихо певшая церковные псалмы, замершие остальные пассажиры, наслаждавшиеся ее пением.

– Добрый день, мы приветствуем вас на борту... – подошел к микрофону стюард. – Меня зовут Павел...

Юноша был очень молод и напуган. Когда весь самолет дружно разразился хохотом и начал аплодировать, ему стало не по себе. Когда новый Паша принялся демонстрировать процесс надевания маски, все уже рыдали от хохота.

Самолет достаточно резко стартовал, его уже не поливали шампунем, не держали на взлетной полосе. Кажется, от этого борта хотели избавиться как можно скорее. Обычно пассажиры начинают хлопать при приземлении, пассажиры этого рейса дружно принялись это делать при взлете.

Приземлились мягко. Пилот объявил, что за бортом минус тридцать два градуса.

– Ой, а что происходит? – ахнула Алиса.

Почти все мужчины, за исключением разве что элегантного мужчины и дедушки, начали раздеваться до футболок.

– Кажется, я схожу с ума. – Алиса смотрела на мужчин в футболках, и это никак не вязалось в ее голове с объявленными минус тридцатью двумя градусами за бортом.

Взволнованная женщина тоже не без удивления наблюдала за процессом. Но все оказалось, как бывает в жизни, очень прозаично. Мужчины достали из ручной клади термобелье, свитера, носки и надевали на себя. Это были военные, прекрасно знавшие погодные условия своего места службы.

– Почему мне сейчас кажется, что я голая? – спросила Алиса.

Этот вопрос волновал почти всех женщин на борту.

Пассажиров стремительно выгрузили и так же стремительно выдали им багаж.

Алиса звонила организаторам поездки, сообщая, что они наконец прилетели. Сегодня сразу в отель, а северное сияние уже завтра. Молодая супружеская пара, ее компаньоны по поездке, стояли рядом, но уже было понятно, что этот полет стал для их семьи последним.

Элегантный мужчина отвечал на звонки женщины, той самой первой любви, которая пригласила его в эту поездку. Говорил, что завтра прочтет сразу две лекции. А сегодня – в отель. Нет, без ужина. Спать.

Из здания аэропорта они выходили вместе с взволнованной женщиной.

Дедушка игнорировал разрывающийся телефон. Он стоял и смотрел в окно. Ему не хотелось выходить наружу, покидать этот защищенный от всех тревог и забот зал ожидания.

Родные люди

У меня всегда были запоздалые реакции на что бы то ни было. С отсрочкой во времени, если можно так сказать. Стресс или паника накрывали не в тот момент, когда нужно, а спустя день или даже два. Поэтому можно было сказать, что мои истерики случались на пустом месте. Ну во всяком случае так считалось, когда я была маленькой. Когда падала, плакать начинала не сразу, как все дети, а спустя, например, пару часов. Так что воспитательница в детском саду никак не связывала мой плач с падением во время прогулки. Забытую в садике вечером куклу я начинала оплакивать утром и не понимала, почему мама думает, что я не хочу идти в сад. Я хотела, очень. Мне же нужно было забрать куклу! Когда лучшая подружка Настя случайно села на моего ежика, слепленного из пластилина, я тоже не сразу начала переживать. Настя немедленно залилась слезами, обещая помочь мне слепить нового, поделиться пластилином и даже отдать своего – она лепила гораздо лучше. Воспитательница вообще ничего не поняла – вроде бы успокаивать нужно меня, а не Настю, и сказала: «Разбирайтесь сами». Плакать я начала через два дня, когда работы стояли на шкафчиках, включая, кстати, моего ежика, восстановленного Настей. Мы уже лепили корзинки с яблоками. Вот тогда я и разрыдалась, оплакивая ежика. Воспитательница опять ничего не поняла, решив, что у меня не получается корзинка. Я же гадала, почему никто, включая Настю, не понимает, отчего я плачу.

Впрочем, в школе история продолжалась. У меня уже сложилась репутация девочки, которая может вдруг расплакаться. На ровном месте. А так да, вполне спокойная, уравновешенная. Любые неприятности воспринимает с холодной головой. Удивительное качество. Даже перед отчетными концертами не волнуется. Всех трясет, а она стоит и улыбается. Поэтому меня выставляли на все конкурсы, выступления и вызывали к доске во время открытых уроков. Знали, что я выйду и все сделаю как надо. А то, что спустя два дня буду лежать с температурой, мама спишет на то, что случилось резкое похолодание, а я ушла без шапки, или на съеденное мороженое, а вовсе не на стресс от выступления или выхода к доске. Полученная двойка за решающую контрольную по алгебре тоже, как всем казалось, меня вовсе не беспокоила. Когда Настя – мы попали с ней в один класс и сидели за одной партой – рыдала в туалете, твердя, что «мать ее убьет», я монотонно твердила, что «не убьет, все будет хорошо».

– Тебе что, наплевать? – возмущалась Настя.

– Не знаю, – честно признавалась я.

– Ну ты даешь! – как всегда восхищалась подруга.

Безутешно рыдать по поводу двойки я начинала на следующий день, когда выяснялось, что в году тройка не выйдет, потому что учительница Алиса Артуровна разрешит всем переписать контрольную.

– Мне тоже класс двоечников не нужен, – сокрушенно говорила Алиса Артуровна, деликатно удаляясь на заднюю парту проверять тетради. – Получается, я вас ничему не научила. Значит, я тоже двоечница. Только как я могу вас научить, если вы не хотите? Не могу же я вас заставить. Ладно, списывать тоже надо уметь – знать откуда и что именно. Давайте сегодня попрактикуем этот навык. Очень пригодится в институте.

Как же я завидовала Алисе Артуровне, не понимавшей своего счастья. Почему? Да хотя бы потому, что она обладала таким прекрасным именем-отчеством. И не менее прекрасной фамилией – Белл. Ее появление в классе для меня всегда сопровождалось звоном колоколов.

К чему я рассказываю про свои реакции и Алису Артуровну? К тому, что мне достались не просто обычные имя и фамилия, а просто издевательски обычные – Аня Иванова. Прибавьте к этому отчество Ивановна. Да, Иванова Анна Ивановна. Впрочем, из Анечки, Анюты, Аньки, Анны я очень рано превратилась в Аннуванну. Такова судьба врачей и учителей. Я же стала учителем русского и литературы в школе. Не то чтобы мечтала об этом, но мне нравилось преподавать, общаться с детьми. Не призвание, конечно, не веление сердца, но работала я с удовольствием, что уже немало. Забавляло, что многие ученики, когда я обращалась к ним на «вы», оглядывались. «Вы» для них – непременно толпа. Но потом они привыкали, как-то расправляли плечи, хотели соответствовать моему «вы». Это я к чему? К тому, что мои отсроченные реакции прекрасно объясняют, почему я лишь в сорок пять лет решила пройти путь, который обычно проходят подростки. Да, откровенно говоря, я бы и не стала его проходить. Не было нужды и интереса. Но вдруг захотелось. Так бывает. Наверное. Я не знаю. Может, только у меня такое «позднее зажигание», как всегда говорила Настя.

Я точно помню, когда для меня началась эта история. В день после юбилея, чтоб его. В школе, конечно, поздравили, слова говорили приятные – про призвание как раз, про преподавательский дар и так далее. Шутили про «бабу-ягодку», как без этого. Физрук Дмитрий Саныч уверял, что «ни за что бы не дал». Потом,

когда выпил, зуб давал. Большим пальцем щелкал по зубу и уже пьяно и оттого восхищенно восклицал: «Ну не дашь!» Я кивала и улыбалась. Дмитрий Саныч без особой надежды приобнял меня ниже талии. Мне было приятно, не скрою. Все-таки физрук у нас был молодым специалистом двадцати восьми лет. Когда Дмитрий Саныч прилег на стульях, устроившись головой на коленях географички, я подумала, что и сама себе не дала бы. Ну какие сорок пять? Я ощущала себя на тридцать. А иногда и меньше. Не знаю, у всех так или только у меня. Когда кажется, что тебя, ребенка, засунули в другое тело и решили, что ты взрослая женщина. И никого нет за спиной, чтобы оглянуться и спросить, что делать, как поступить.

Настя говорила, что я была взрослой еще в детском саду, в отличие от нее. А мне казалось, что все с точностью до наоборот. Настя, отплавав, быстро успокаивалась и начинала действовать. Она умела принимать решения и за себя, и за меня. Всегда находила выход из положения. Как с ежиком, которого она перелепила для меня, сломав свою старую поделку. Как с контрольной по математике – именно она убедила Алису Артуровну не портить показатели успеваемости класса. Наверное, поэтому она сейчас мать троих детей, и ей приходится нести за них ответственность. А иногда и за мужа, и за свекровь, и за своих родителей. У Насти большая семья, и в этом только ее заслуга. Она решала, выходить замуж или нет, рожать детей или нет. Я ею восхищаюсь. Не понимаю, как у нее получается все успевать. У меня детей нет. Не получилось. Да и семья – я и муж Степан. Есть еще моя мама, но мы почти не видимся. Ни братьев, ни сестер, ни других родственников. Но у меня есть ученики, Настя, ее дети, которых я считаю родными... племянниками, близкими... не важно. Спасибо, что она мне позволила считать себя названной сестрой, тетушкой. Наверное, большего я бы и не потянула – эмоционально, прежде всего. У меня из-за Настиных детей сердце обрывается, за учеников я переживаю. Но опять же не сразу, а спустя пару дней накрывает паника, доходящая до болезни. На экзаменах я всегда спокойна, отвожу детей в другую школу, где они сдают ЕГЭ, чтоб его. Ношу с собой воду, шоколадки. Подбадриваю их как могу. Но когда они начинают писать и сообщать баллы, как правило, очень высокие, чувствую, как подступает тошнота. Плакать я себе давно не позволяю, все же уже возраст. Наутро проснусь без глаз и с опухшим лицом, будто меня покусал целый пчелиный рой. Но убегаю в ванную – начинается рвота, подскакивает давление. Пока от звонков и сообщений разрывается телефон: «Аннаванна! У меня девяносто два балла! Аннаванна! У меня девяносто шесть!» – я тихо умираю.

В этой истории именно Настино слово стало решающим. Она меня не подтолкнула, нет. Сказала так, как говорила своей старшей дочери, тогда еще

малышке Марусе: «Пока не наденешь шапку, из дома не выйдешь». Маруся терпеть не могла шапки. С раннего детства. Сдирала с себя с остервенением. Настя выводила ее на прогулку, замотанную в шарфы, шали. Повзрослев, Маруся по-прежнему соглашалась на все головные уборы, кроме шапки. В какой-то момент Насте надоело убеждать дочь, что шапка ей жизненно необходима, особенно в мороз минус десять. Вот тогда мать и выдвинула ультиматум. Маруся рыдала, сидя в коридоре. Настя сидела напротив и ждала, когда дочь натянет на себя ненавистную шапку. Маруся же считала себя достаточно взрослой, чтобы ходить вовсе без головного убора. Младший Кирюша отчаянно вопил в коляске, запарившись в комбинезоне, средняя Кирочка возилась со шнурками. Если у Маруси были особые отношения с шапками, у Кирочки обнаружилась страсть к шнуркам и завязкам во всех видах. Она отказывалась выходить из дома, не завязав самостоятельно шнурки на ботинках, тесемки на куртке и не скрутив из шарфа подобие узла. Обувь и одежду Кирочка проверяла на наличие шнурков и наотрез отказывалась носить, если вместо шнурков на ботинках были липучки, а на куртке – вовсе ни одного не имелось, ни на капюшоне, ни на поясе. Настя гадала, какие странности возникнут у Кирюши, но тот пока был слишком мал, чтобы выразить свое отношение к деталям или предметам гардероба.

– Так, встали и вышли! – Настя взяла себя в руки. – Быстро!

Настя умеет говорить так, что ее страшно послушаться. Маруся тогда напялила шапку, Кирочка добровольно отказалась от шарфа. Кирюша, даром что младенец, предпочел замолчать.

– Пока ты с этим не разберешься, так и будешь страдать. Хорошо, не страдать, но будешь думать. Надо уже это сделать один раз и успокоиться, – строго рявкнула на меня Настя, так же, как тогда на детей.

Я послушалась и закрутила всю эту историю.

А в день моего юбилея, когда еще ничто не предвещало, коллеги подарили букет угрожающего размера. В корзине. Еле дотащила. Оставила внизу в подъезде, заливаясь слезами и соплями.

– Ну чего так убиваться-то? Не конец жизни! – попыталась успокоить меня консьержка. – Точно оставите? Может, все же заберете? Букет-то дорогий!

– Не могу. Аллергия на цветы, – прохлюпала я.

– Ну да, ну да. Аллергия. Конечно. Мне уже шестьдесят пять, я и то не убиваюсь. У вас-то сейчас, вон, все возможности. Были бы деньги. И подбородок второй убрать, и жир, где не надо, откачать и куда надо влить. Не то что мы: детский крем на все места. – Консьержка в аллергию не поверила, а поверила в то, что я так тяжело переживаю достижение возрастной планки.

Дома я выпила сначала одну таблетку от аллергии, потом еще одну. Ну и от головы хватанула, потому что сил уже не было терпеть боль. Уснула на диване, не раздевшись. Хорошо, что завтра суббота. Это я успела отметить, прежде чем провалиться в бессмысленный, пустой и тяжелый, как всегда под таблетками, сон.

Мой муж Степан зашел, прикрыл пледом. Я это почувствовала, но сделала вид, что сплю. Не стал меня ни о чем спрашивать, спасибо ему за это. Он у меня вообще очень деликатный человек. Никогда первым не спросит, не потревожит. Наверное, поэтому я вышла за него замуж. Знала, что не придется отчитываться, объясняться. Что буду жить так, как сочту нужным, не докладывая, куда поехала и зачем. Я не терпела контроль ни в каком виде. К счастью, в школе это быстро поняли и оставили меня в покое. Я считалась опытным педагогом, который стабильно выдавал высокие показатели успеваемости. Мои ученики побеждали на олимпиадах или занимали призовые места. Когда я выходила замуж за Степана, с абсолютно холодной головой, без всякой страсти или хотя бы влюбленности, мне казалось, что его деликатность и умение уважать чужое личное пространство достаточны для нашей семейной жизни. Да, у нас получился долгий брак, спокойный и размеренный. Брак, в котором не случилось ни одного скандала, ни одной пролитой мною слезы. Такой крепкий союз уважающих друг друга людей, но не более того. Любви в нашем браке не зародилось. Наверное, поэтому и детей не было. Дети ведь рождаются от любви. Не смейтесь, я в это верю. Настины дети родились и росли в любви. Настин муж Леша обожал и жену, и детей. Жизнь за них готов был отдать. В их квартире никогда не было тихо, как у нас со Степаном, когда слышно, как тикают часы в соседней комнате. У Насти с Лешей всегда была какофония – кто-то рыдал, кто-то смеялся. Настя пыталась всех перекричать. Леша тоже вопил, что сейчас оглохнет. Они ругались, мирились, снова ругались. Но в этих криках, страстных разрывах и не менее страстных примирениях слышалась и чувствовалась настоящая любовь. Такие страсти могут полыхать только у людей, которые не равнодушны друг к другу. Так оно и было. Настя безумно ревновала мужа, а

Леша переживал, что Настя, после родов расцветшая, ставшая невероятно женственной, мягкой и нежной, найдет ему замену. В том, что ей это удастся сделать хоть с тремя детьми, хоть с целой группой детского сада, он не сомневался.

Кому-то наши со Степаном отношения покажутся странными. Настя так и вовсе тарасила глаза, когда я ей рассказывала про него. Мне иногда казалось, что, если я пропаду на три дня, он даже не позвонит. Чтобы, не дай бог, не поставить меня в неловкое положение. Всегда сначала пишет «можно тебе позвонить?» и звонит только после разрешения. Будто не муж родной, а посторонний человек. Очень вежливый. После десяти вечера так вообще ни за что и никогда не станет беспокоить – неприлично. Как-то я задержалась с коллегами – отмечали день рождения завуча. Всем моим коллегам мужа уже телефоны оборвали. Биологичка Надежда Львовна сорвалась и убежала, не попрощавшись – муж уже форменный скандал закатил. Она считала себя счастливой – раз муж так ревнует, значит, любит. «Ну к каждому столбу», – с гордостью сообщала на педсовете Надежда Львовна, поправляя шейный платок. Она всегда ходила в шейных платках, которые заматывала с исключительным мастерством. Ревнивый муж регулярно обещал однажды ее задушить. И Надежда Львовна, прикрывая на шее очередной синюшный след, верила, что так оно рано или поздно и случится, поэтому неслась с работы, когда еще звонок с последнего урока не прозвенел.

– Зачем такое терпеть? – спросила как-то я.

– Со своей жизнью разберитесь, а потом спрашивайте, – резко ответила Надежда Львовна.

Да, она была права. Я не могла разобраться со своей жизнью. Вот, решила. В сорок пять лет.

А тогда, на том праздновании, одна я сидела спокойно, убрав телефон в сумку и выключив звук.

– Анна Ивановна, если нужно позвонить, предупредить, вы не стесняйтесь, – разрешила завуч.

– Все хорошо, спасибо, – ответила я.

Но поскольку завуч смотрела на меня так, будто я сморозила глупость, пришлось позвонить мужу.

– Степан, все хорошо, немного задерживаюсь. С коллегами, – сказала я настолько громко, чтобы это слышала Гнездо. Это ее дети так прозвали за прическу. Ну и я заодно. Про себя, конечно. Ведь правда гнездо на голове.

– Который час? – удивился Степан. – Почему ты звонишь в такое время?

Да, в двадцать минут одиннадцатого мой супруг не готов отвечать на телефонные звонки. Если бы со мной что-то случилось или позвонили ночью из морга, Степан счел бы это неприличным и попросил бы перезвонить после девяти утра.

Почему я рассказываю про Степана? Потому что его деликатность тоже имеет не последнее значение в этой истории. Если бы он полюбопытствовал или хотя бы спросил, возможно, я бы не стала ждать до сорока пяти лет. Спустя годы мне хотелось разбить ему тарелку об голову. За его равнодушие, которое я считала исключительной деликатностью.

Мне хотелось кричать, вопить на весь дом, но кому кричать? Степану? Он бы не понял. Он не знал про мои отсроченные реакции. Поэтому, когда я вдруг заливалась слезами спустя два дня после педсовета или другой неприятности, он молча приносил мне рюмку с валокордином и воду. В последние годы, когда я стала мучиться давлением, приносил тонометр и упаковку с таблетками. Подавал стакан воды.

Как-то рано утром приехали Настя с Марусей.

– Возьми ее с собой в школу. Пусть посидит у тебя. Свекровь с радикулитом свалилась, Киру надо к стоматологу, Кирюшу на прививку в поликлинику. А у этих учительница заболела, замены нет. Сидят и ерундой страдают. Заберу в час, – попросила Настя.

Маруся побежала в комнату и включила мультики. Настя пошла следом.

– Ого, кто-то спит с мужем, а кто-то с тонометром, – заметила моя подруга. Я знала, что она перешлет мне двадцать пять телефонов врачей и будет звонить каждый день, требуя, чтобы я сходила на консультацию. Вот поэтому Настя была взрослой, а я – нет. Она все знала про стоматологов и прививки, говорила, кто куда должен пойти и что делать. А я не знала, правда. У меня был исключительно деликатный муж, который даже не поинтересовался, почему у нас нет детей. Да, это так. И такое случается. За все годы замужества – ни одного вопроса. Если бы он спросил... Возможно, я бы пошла на ЭКО, решилась бы взять ребенка из детского дома. Или мы бы вместе прошли лечение. Пытались, старались, не теряли надежды, как мне говорили врачи. Но я не знала, что думает об этом Степан. Как ни собиралась спросить, все было не вовремя. Сейчас чего уж сетовать. Поздно.

Если бы муж, тогда еще жених, спросил, почему на нашей регистрации брака в загсе нет моих родственников, даже матери, я бы рассказала. Наверное. Не знаю. Но его это нисколько не смутило. Свадьба была тихой – его мама, двоюродная сестра с мужем, которых Степан видел, кажется, второй раз в жизни, Настя с Лешей. За все годы мой деликатный супруг так и не поинтересовался, есть ли у меня родственники, хоть седьмой воды на киселе. Как не спросил, почему я не могу родить ребенка. Я ждала этого разговора каждый день. Придумывала ответы, проговаривала про себя варианты. Подбирала слова... Ведь по всем анализам выходило, что я абсолютно здорова и могу зачать ребенка хоть завтра. Врачи говорили, что нужно обследовать супруга и лишь после этого делать выводы и назначать лечение. Но Степана наша бездетность вовсе не беспокоила. Моя свекровь скончалась спустя год после нашей свадьбы, так что мне не перед кем было оправдываться. Мы хорошо жили. Спокойно. За ужином я рассказывала про сочинения учеников, про проделки, жизнь школы. Степан ел, уставившись в книгу. Он всегда ел, ходил в туалет, принимал ванну, мыл посуду только с книгой. Степан читал мемуары политиков, общественных деятелей. Многотомные, многостраничные.

В один из вечеров я завела разговор про необходимое обследование, про то, что можно сделать ЭКО. Степан кивнул, будто речь шла о курице на ужин. Не слышал или не захотел услышать, не знаю. Я не стала настаивать. Позвонила Насте.

– Это нужно проходить вместе, – решительно заявила она.

– Да, ты права, – согласилась я и не стала ничего проходить, поскольку уже знала, что меня ждет. Степан не стал бы делать мне уколы в живот и ходить в клинику в выходные дни. Он не стал бы нарушать свой давно сложившийся график: по субботам обязательный бассейн, по воскресеньям – долгая прогулка по парку. На эти дни он отключал телефон, и ничто в жизни не заставило бы его ответить на звонок. А в будни? У Степана была своя жизнь, у меня своя.

Но я это приняла и просто жила дальше. Что хотела бы исправить в своей жизни, будь у меня такая возможность? Только это. Я бы родила ребенка. Со Степаном или без его участия. Стала матерью. Только за это себя корю каждый вечер перед сном и каждое утро, просыпаясь. Днем, к счастью, у меня передышка от подобных мыслей. Если бы не ученики, давно бы сошла с ума.

Так вот, история заключается в том, что в сорок пять лет, а точнее на следующий день после этого прекрасного события, я решила найти своего отца. Идиотская идея, согласитесь. Я отдавала себе в этом отчет. И это, поверьте, была не моя инициатива, а Госуслуг. Отцовство их интересовало больше, чем меня все эти годы.

Проснулась с мутной головой – у меня действительно дикая аллергия на срезанные цветы всех видов, от роз до, упаси господи, лилий. Лилии – это вообще сразу анафилактический шок. Впрочем, я вообще равнодушна к цветам, а уж тем более к сложносочиненным букетам, что для учителя настоящее проклятие. Не могу же я показать ученикам, что не рада цветам. К счастью, мои рыдания принимают за слезы благодарности и особую чувствительность к знакам внимания. В День учителя я плачу целый день. Таблетку выпить не могу – усну прямо на уроке. От антигистаминных препаратов у меня наступает не просто сонливость, а кома. Так что заливаюсь слезами и прошу учеников написать сочинение на свободную тему, но так, чтобы развеселить меня, как царевну Несмеяну. Они стараются. Я все равно рыдаю, уже от смеха. Мне удается скрывать свою аллергию много лет. А это ох как непросто.

Поскольку в сорок пять лет требуется менять паспорт, я села за ноутбук, чтобы подать заявление. Ничто не предвещало, как говорится, пока Госуслуги не потребовали заполнить данные про родителей: мать – имя, отчество, дата и год рождения, отец – соответственно. И тут у меня случилась та самая отложенная реакция. Я вдруг поняла, что не знаю ни фамилии, ни отчества отца, ни тем более даты и года его рождения. Только имя – Иван, раз уж я Ивановна. Но и по поводу этого я не готова была побиться об заклад. Мать всегда может указать

любое отчество ребенка при отсутствии законного супруга. Госуслуги к тому же требовали, чтобы я подтвердила указанные в электронном виде данные оригиналами документов, когда меня вызовут. И среди оригиналов значилось свидетельство о рождении.

Все документы у меня хранятся в папке-портфеле. И я очень трепетно отношусь к бюрократическим бумажкам. Могу предъявить читательский билет в библиотеку имени Некрасова времен студенчества. Первый курс, как сейчас помню. В Некрасовке писала курсовую. Помимо свидетельства о браке, включая три копии на всякий случай – в отдельной папке, вот, пожалуйста, приглашение на регистрацию, с датой и временем. Все загранпаспорта, начиная с первого, в отдельном конверте. Школьный аттестат, свидетельство о прохождении курсов стенографии и машинописи, свидетельство об успешном окончании курсов по оказанию первой помощи. Вкладыш в диплом об окончании института плюс две копии.

Я вообще по натуре «хранительница» – программки спектаклей, календари прошлых лет, удачные или забавные сочинения учеников. Фотографии всех видов и размеров – на белом фоне, цветные. Но среди вороха документов, нет, не вороха, а аккуратно сложенных и подписанных конвертов и папок, не нашлось свидетельства о рождении. Я пересмотрела несколько раз. Да и не помню, чтобы его видела когда-либо. Не осталось в памяти – «было же такое, зеленого цвета». Не помню. Ни цвета обложки, ни самого вида. Я сидела перед ноутбуком на сайте Госуслуг, которые настоятельно требовали указать данные отца. Там, конечно, имелась строчка «данные неизвестны». Но я не решалась на нее нажать. А вдруг свидетельство существует и Госуслуги о нем знают? Получится, что я предоставила неверную информацию. А если мое свидетельство тоже есть? Можно было, конечно, затребовать данные у тех же Госуслуг – пусть они займутся поисками документа, подтверждающего мое рождение, раз он вдруг стал необходим спустя сорок пять лет. Но паспорт требовался срочно: планировалась поездка на конференцию в Питер, моя собственная в Плес – давно хотела там побывать. Да и не хотелось привлечь внимание госструктур к семейным скелетам в шкафу.

Что мне оставалось? Позвонить собственной матери. Заодно проверить ее данные – я помнила, что у нее реальный день рождения и записанный в паспорте разнятся. И я так и не знала точно, в каком месяце она родилась – в июне, как утверждала она, или в июле, как было записано в паспорте. Или наоборот?

Если мой супруг отличается удивительной деликатностью и маниакальным соблюдением норм приличий, на которые не могут повлиять ни вселенская катастрофа, ни близкое родство, то моя мать не так уж далеко ушла от собственного зятя по части странностей.

Она пребывает в образе, и ей требуется время, чтобы в него войти. К ней нельзя приехать без предупреждения, а лишь в четко оговоренное время. Если я приеду на пятнадцать минут раньше, буду стоять на лестничной площадке или сидеть на лавочке под домом. Мама раньше назначенного часа не откроет. Четыре пакета с продуктами, я насквозь мокрая, с шести утра за рулем. Умираю, хочу есть или хотя бы попить воды. Хотела ведь заехать на заправку купить несколько бутылок про запас. Последние часа три живу на таблетках – от давления, головной боли, успокоительная. Давление опять скачет, как теперь всегда происходит во время стрессов или от усталости. Я уже научилась его чувствовать без всяких тонометров. Всю жизнь – гипотоник, восемьдесят на шестьдесят, а я еще хожу и вполне прытко бегаю по школьным лестницам. И вдруг к этим своим сорока пяти стала гипертоником. Почти привыкла. Подташнивает. Сажу на лестничной клетке на лестнице, рассасываю еще одну таблетку и жду, когда мама соизволит открыть дверь. Хотя бы стакан воды вынесла, я просила через дверь. В округе ни одной кофейни так и не появилось. Просто удивительно, как здесь остановилась жизнь. Будто в прошлое попадаешь. А ты в него и попадаешь. Надо задать детям сочинение – я попал не в будущее, а в прошлое. Пусть повспоминают. Во рту – горечь от таблетки. Металлический привкус. Пить хочется до одурения. Можно, конечно, позвонить соседям, но там наверняка уже другие люди живут. Знаю, что тетя Люда, соседка справа, умерла. Соседи слева вроде бы давно квартиру сдают. Ладно, потерплю. Открыла пошире окно на лестничной клетке. Стою, делаю глубокие вдохи. Десять минут до маминого выхода на сцену.

Мама появляется на пять минут позже. Накрашенная, в кольцах, в красивом фартуке, припорошенном мукой.

– И чего ты здесь на самом сквозняке? – ахает она, явно переигрывая волнение или что она там пыталась изобразить.

Я несусь в туалет – меня рвет таблетками и желчью. Есть хочу, аж голова кружится. Умываюсь, пью воду прямо из-под крана – хуже уже не будет, снова иду на лестничную клетку, где остались пакеты с продуктами. Маме, конечно, не пришло в голову их занести. Как и спросить, как я себя чувствую. Обычно на мои

жалобы она вскидывает бровь и объявляет:

– Ну что ты жалуешься? А мне тогда что, ложись и помирай? Какие могут быть жалобы в твоём возрасте?

– Мам, мне уже не так мало лет, – отвечаю я.

– Прекрати напоминать про мой возраст! – возмущается она. – Лучше скажи, как я выгляжу? Правда, хорошо?

– Да, правда, – соглашаюсь я. У мамы давно наступил период отрицания не своего, а моего возраста. Она не желает признавать себя матерью дочери, которой уже далеко за сорок. Иногда она с лёгкостью отказывается от родства – в аптеке или в магазине. Не дай бог мне обратиться к ней, назвав «мамой».

– Ну что ты мамкаешь! – шипит родительница. – Обязательно всем сообщать про мой возраст?

– Мам, я хотела лишь спросить, туалетную бумагу брать или нет, – отвечаю я.

– Откуда я знаю? Я вообще не собиралась сегодня в магазин! – огрызается она и обиженно уходит, оставляя меня с полной тележкой, куда я докладываю остальное по собственному усмотрению.

– А почему ты не взяла бородинский хлеб? И колбасу краковскую? Я так хотела! – возмущается мама уже дома. Холодильник забит под завязку. Но я действительно не купила ни бородинский хлеб, ни краковскую колбасу, помня, что в прошлый раз мама отказалась от мучного по соображениям талии, а от колбасы у нее сильная изжога.

– Мам, а ты сказать не могла? Словами? Я должна догадываться, чего ты хочешь или не хочешь? Или ловить сигналы Вселенной? – возмутилась я.

– Почему я вообще должна о таком говорить? Я же не прошу кольцо с бриллиантом или поездку на море! Хлеб и колбаса! Все! Мне больше ничего не надо! – Мама начинает плакать. Ей вообще легко заплакать. Удивительная способность. У меня такая ученица была, Наташа Смирнова. Чуть что – сразу в

слезы.

- Что ты плачешь? - спрашивала я.

- Не знаю, - отвечала честно Наташа. - Просто поплакать захотелось.

К слезам Наташи я привыкла и выдавала таблетку валерьянки. А вот к слезам собственной матери так и не смогла. Как не научилась различать, когда она плачет искренне, а когда на публику. То есть для меня. Я для нее тоже публика.

Раскладываю продукты в холодильнике. Захожу на кухню и понимаю, что все - не сделаю больше ни шагу. Кухня засыпана мукой до потолка. Раковина завалена грязной посудой. На столе - что-то невообразимое.

- Я тебе беляши решила испечь. - Мама красиво стоит в дверях. - Только убрать не успела. Поможешь? Тут всего две тарелки.

- Можно мне кофе? - прошу я.

- Конечно! Ты же дома! Знаешь, где что стоит. - Мама делает красивый жест, мол, все в твоём распоряжении, и удаляется.

Следующие два часа я отмываю кухню, забыв про кофе, который не знаю где стоит. Мама давно все переставила по своему вкусу. Я не в силах открывать ящики и искать банку с кофе, поскольку перебиваю посуду, отмываю холодильник, плиту и долепливаю беляши. Точнее, просто леплю - мама оставила заготовки, фарш и кружочки теста. Уговариваю себя, что лучше промолчать.

Нахожу в холодильнике полпакета кефира и выпиваю с наслаждением. Заедаю куском хлеба, найденным в недрах хлебницы. Мою полы. Мама выходит на кухню, садится на стул и поднимает ноги, чтобы я могла помыть под ее стулом. Смотрит, как я мою.

Меняю постельное белье, протираю пыль.

- Мам, откуда здесь шерсть? - спрашиваю.

- Я хожу в шали, - отвечает она.

- Надо ее выбросить.

- Тебе лишь бы выбросить. Тебе ничего не нужно. И я не нужна. Моя дача не нужна, моя квартира не нужна.

Мама плачет. Как всегда. Я присаживаюсь на край табуретки - ноги не держат, руки дрожат. Устала не как собака и даже не как сто чертей. Подумала, что дам задание своим одиннадцатиклассникам - пусть вспомнят смешные фразеологические обороты и свои придумают. Заставляю себя встать и домыть полы. Ванную еще надо оттереть, отдраить. Не сейчас. Совсем нет сил. Домой бы доехать по пробкам. Начинаю собираться.

- Ты неблагодарная, - говорит мама, поджав губы.

- Почему?

- Мои беляши так и не попробовала. Я все утро с ними провозилась!

Мама звонко захлопывает дверь за моей спиной. Ладно. Не в первый раз. Интересно, для кого она затевала беляши и для кого наряжалась? Слишком быстро захлопнула дверь. Если спрошу - все равно не ответит. Или будет отрицать. Почему? Не знаю, если честно.

Заезжаю на заправку. Нет ни бензина, ни аппетита. Ем какой-то бутерброд, запиваю каким-то кофе. Потом несусь в туалет - опять рвота. Нервы. Отсроченная реакция. Видимо, на Госуслуги. Умываясь над грязной раковиной, вспоминаю, что так и не попросила у мамы найти мое свидетельство о рождении. А это означает, что придется звонить. Нет, не сегодня, пожалуйста. Сегодня не выдержу. Звоню Насте, зная, что это единственный человек, который меня накормит и напоит в любое время суток. Мне отчаянно нужно прийти в себя. Домой ехать не хочу.

- Можно я к тебе заеду? Через полчаса, - прошусь я.

– Так, дети, помолчите минуту! Я себя не слышу! – орет Настя. – И быстро убрали комнату! Сейчас тетя Аня приедет.

На заправке покупаю маффины, шоколадки, конфеты.

В доме у Насти всегда бедлам, ор, крики и при этом удивительно тепло и спокойно. Я еще не успела помыть руки, а она уже ставит на стол тарелку с супом.

– Сметанки дать? Или хлеба? – суетится подруга. – Дети, умоляю, подарите нам пять минут тишины!

Я киваю, соглашаясь и на сметану, и на хлеб.

– Спасибо! – говорю с набитым ртом.

– Ну что случилось? – Настя уже сварила мне кофе и собралась подогреть три котлеты с горой жареной картошки.

– Сорок пять случилось. Тебе это тоже предстоит.

Настя младше меня на восемь месяцев.

– И что? – не поняла она. У нее удивительно наплевательское отношение к возрасту – никаких комплексов, никаких кризисов, принятий и осознаний. Да и некогда рефлексировать, когда трое детей.

– Паспорт надо менять. А Госуслуги требуют свидетельство о рождении. Я к маме ездила и забыла попросить найти.

– И как мама? Чудит? – хмыкнула Настя. Она прекрасно знала мою мать.

– Как всегда, – кивнула я.

– Ладно, свидетельство, а в чем проблема? – все еще не понимала подруга.

– Я не знаю отчество и дату рождения своего отца. Вообще ничего не знаю. Может, я не Ивановна вовсе. И не Иванова. Я не знаю, меняла мама фамилию или нет.

– Тогда все меняли. Но, правда, твоя мать могла и с девичьей остаться.

– Вот и я о том же. То есть, если мама записала меня на свою фамилию, получается, что я даже фамилии отца не знаю.

– Подожди, но ты же помнишь, что записано в твоём свидетельстве о рождении?

– Нет, вообще не помню. Мне кажется, я его видела в последний раз в шестнадцать лет, когда первый паспорт получала. Но, веришь, честно не помню, что там значилось, – призналась я. – Да и у мамы месяц рождения в паспорте другой записан. Кошмар какой-то. Все не как у людей.

– Так, хорошо. И в чем проблема-то? – Настя села и приготовилась составлять план действий.

– На Госуслугах требуют данные родителей, которые я не знаю и поэтому не могу заполнить заявление, – устало ответила я.

– Ладно. Не думаю, что ты первая такая в истории Госуслуг. Сделай запрос. Ты же в Москве родилась. Свидетельство можно восстановить через загс. – Настя все еще не понимала, из-за чего я страдаю.

– Мне паспорт срочно нужен. Конференция. Билеты надо покупать. Пока я отправлю запрос, пока мне ответят... – промямлила я в свое оправдание.

– Хорошо, ну возьми у них временную справку, – пожала плечами Настя.

– Сейчас не дают вроде бы...

– То есть ты не знаешь наверняка. И ни у кого не спрашивала. Не ходила в МФЦ и не пыталась решить вопрос вручную? – Настя смотрела на меня как на полоумную. Ей, матери троих детей, было не привыкать общаться и с

Госслужбами, и с прочими госорганизацями, оформляя свидетельство многодетной матери, получая материнский капитал и прописывая детей в квартиру. Настя брала младшего Кирюшу с собой. Кирюша терпеть не мог сидеть на руках у матери, а любил ездить в машине, поэтому немедленно начинал рыдать. Да так громко, что Настю везде пропускали без очереди. Кирюша с младенчества обладал звонким, хорошо поставленным баритоном. Если его не хватало для быстрого решения проблемы, Настя шла сражаться с бюрократией, вооружившись еще и Кирочкой. А та умела одним взглядом растопить любое чиновничье сердце. Если взгляда не хватало, Кирочка начинала рисовать на стенах, полу, столах и стульях. При этом Настя заранее выдавала ей черный маркер. Если кто-то, включая мать, пытался отобрать в тот момент у Кирочки маркер, она начинала тихонько плакать. А плакала она очень горько и выразительно. Тут сдавались самые черствые и бессердечные чинуши.

– Так, и что ты хочешь сделать, раз не собираешься подавать запрос? – строго спросила Настя.

– Надо звонить маме и просить ее найти мое свидетельство. А она опять обидится, решив, что я намекаю на ее возраст. И она точно скажет, что свидетельство в глаза не видела, а свой месяц рождения не помнит. Я сегодня опять на лестничной клетке сидела с пакетами. Потом ее квартиру отмывала. Полпакета кефира выпила. Она мне даже воды не вынесла, хотя я ее просила. Рвало уже два раза, – ответила я.

– Так, доедай суп, котлету обязательно съешь, потом выпьешь таблетку. – Настя умела быстро принимать решения. – Вот успокоительное и желудочное.

– Хорошо, – покорно согласилась я.

– А теперь ответь мне на вопрос. Дело только в паспорте или еще в чем-то?

Настя меня слишком хорошо знала. Командировка, пусть и срочная, не могла настолько выбить меня из колеи. В силу профессии я все-таки отличалась крепкими нервами и достаточной стрессоустойчивостью.

– Не знаю. Мне вдруг захотелось найти своего отца. Ты считаешь, я сошла с ума, раз такое пришло в голову? – спросила я.

– Почему? Нормальное желание. Слегка запоздалое, но имеешь полное право. Только ты же готова к тому, что твой отец уже сильно в возрасте или умер? Ему сколько было лет, когда ты родилась? – Настя, как всегда, рассуждала здраво и исключительно по делу.

– Понятия не имею! Я не знаю год его рождения! Может, он был моложе моей матери? Госуслуги требуют еще и дату, день и месяц! Может, не стоит начинать? Нажать кнопку «данные неизвестны» и надеяться, что так оно и есть.

Вот тогда Настя и произнесла фразу, которая стала решающей:

– Пока ты с этим не разберешься, так и будешь ходить с этой мыслью в голове. Надо сделать и успокоиться.

– Может, я его и не найду.

– Может, и не найдешь, – пожала плечами Настя. – Так, звони матери. Сейчас. Пусть начнет искать твое свидетельство и заглянет в свой паспорт, – велела она таким тоном, каким засаживала Марусю за домашку.

– Не могу, Насть, правда. Завтра позвоню. Я сейчас ничего не соображаю, – взмолилась я.

– Нет, не завтра. Ты будешь тянуть до последнего, я тебя знаю. А твою мать нужно вывести из образа, то есть создать ей невыносимые условия. А где ты их найдешь, как не у меня? Сейчас я выключу мультики, и ты получишь идеальный фон для разговора – дети будут вопить полчаса точно. Хочешь, они еще в трубку станут что-нибудь орать? Они это любят. В последний раз моей свекрови орали, что она какашка. Мне потом пришлось долго объяснять, что это не я их научила обзывать бабушку, а просто Кирочка научилась выговаривать шипящие и логопед велела дома закрепить успех. А звук «ш» в «какашке» ей особенно удавался.

– Могу представить себе лицо Людмилы Андреевны, – рассмеялась я.

– Ой, не надо! Она в воскресенье приедет, – закатила глаза Настя.

– Насть, скажи мне, почему у меня в семье так? Вот ты знаешь, как зовут твоих родителей, бабушек и дедушек, даже прабабушек и прадедушек. Почему я не знаю? И никогда не хотела узнать? Разве это нормально? Ты ведь знаешь, как для девочки важен отец. Почему мне это было не нужно?

– Ох, ну ты всегда была не такая, как все. Не знаю. Мне казалось, что тебе вообще никто не нужен – самодостаточная, сильная. Помнишь, как ты за свою маму ходила на родительские собрания в школу?

– Да, помню, – улыбнулась я.

К счастью, тогда классной руководительницей была Алиса Артуровна, которую мало чем можно было удивить. Так что, когда я сообщила, что моя мать категорически отказалась посещать родительские собрания, а других родственников у меня нет, поэтому я вроде как и за них, и за себя, та даже бровью не повела. Про то, что я с седьмого класса жила одна, знала только Настя. Возможно, Алиса Артуровна догадывалась, но ни разу меня ни о чем не спросила. Оставляла после урока, чтобы быстро объяснить, когда нужно сдать деньги на питание, когда на экскурсии.

– Ты сможешь? – уточняла она.

– Да, конечно, – отвечала я.

Деньги у меня всегда были, даже больше, чем я могла потратить. Да и тратить я не умела и не хотела. Мама тогда переехала к своему новому мужу и приезжала ко мне раз в месяц. Иногда мы и не виделись. Я понимала, что она появлялась, по конверту, оставленному на столе. На нем всегда было написано: «На Аню». Не «для Ани», а именно с предлогом «на». Когда я увидела это «на» на конверте впервые, меня не просто покорило – я онемела и покрылась холодным потом. Утром в школе мне было нехорошо. Алиса Артуровна отвела меня в медкабинет. Медсестра с ней шепталась. Я услышала про давление: «Семьдесят на сорок. Как она вообще ходит? Ее в больницу надо, немедленно. Гипотонический криз! Кто будет отвечать? Родителям позвонили?»

Потом я долго пила горячий крепкий и сладкий чай, который приготовила медсестра. Ела шоколадку, принесенную Алисой Артуровной. Настя отвела меня домой, заверив классную, что обязательно за мной присмотрит.

Еще дня три я валялась дома, не в силах встать. Думаю, это была реакция на мамин отъезд, опять же запоздалая. Голова сильно кружилась. Прибегала Настя, приносила домашний суп и котлеты. Когда я появилась в школе, Алиса Артуровна сделала вид, что ничего не произошло. Даже справки от меня не потребовала.

Я жила одна почти год. Как потом говорила мама – год ее самого ужасного брака. Целый год ее, а не моей жизни. Ее самого сильного разочарования и моего одиночества.

– Ох, сирота при живой матери, – тихонько причитала Настина мама Светлана Петровна. Если бы не они с Настей, не знаю, что бы со мной было.

– Я не сирота, – отвечала я. – У сирот никого нет, а у меня есть вы. – Светлана Петровна уходила плакать.

Впрочем, с возвращением матери ничего не изменилось. Я как ходила на родительские собрания, так и продолжала ходить. Как готовила сама себе еду, так и готовила.

– Насть, а вдруг я кому-нибудь наврежу? Вдруг своими поисками принесу кому-нибудь горе? Наверняка у отца помимо меня были дети. Жена или жены. А если они не будут рады появлению новой родственницы? Ты же знаешь, сколько сейчас таких историй. У меня ведь нет никаких доказательств. Не анализ же ДНК делать. Я-то взрослый человек, а вдруг там внуки... Ну зачем я буду вторгаться в чужую жизнь? Ну представь, к тебе на порог заявится дамочка и объявит, что она твоя родственница. А что будет со Светланой Петровной, то есть женщиной, которая знать не знала, что у мужа есть еще какие-то дети. Нет, я не могу... это как-то неправильно, неэтично.

– Ты еще ничего не начала делать, а уже ищешь пути к отступлению. Реши для себя, нужно тебе это или нет. И отвечай только за себя. Хотя за себя сложнее всего отвечать и что-то решать, – ответила Настя.

– Ты же можешь. Каждый день несешь ответственность не только за себя, но и за детей.

– Нет, я просто делаю вид, – рассмеялась Настя. – На самом деле я в постоянной панике. И когда кто-то кричит «мама», мне хочется обернуться и поискать маму за своей спиной. А мама, оказывается, это я.

– Теть Ань, поможете мне написать сочинение? – На кухню зашла старшая Настина дочь Маруся.

– Какая тема? – спросила я.

– Что-то про Россию и культуру, – промямлила обреченно Маруся.

– Боже, ну как можно давать пятиклашкам такие темы? – ахнула я.

– Даже не начинай. – Настя закатила глаза. – Заодно объясни ей про приставки. Никак не может понять. И про суффиксы заодно.

– Маруся, давай я тебе сама быстро напишу сочинение, а ты потом перепишешь, – предложила я.

– А что, так можно? – ахнула от восторга Маруся.

– Нет, так нельзя! – рявкнула Настя. – Но тетя Аня сегодня не в себе, поэтому в виде исключения можно.

– Спасибо! – дружно крикнули мы с Марусей.

– Но сначала тетя Аня позвонит своей маме! – объявила угрожающе Настя.

– Нет, Насть, можно я пойду сочинение писать? – попросила я жалостливо и сбежала с Марусей в детскую.

Да, Настя рассуждала правильно. Если бы я озаботилась поисками родного отца лет в шестнадцать, было бы больше шансов найти его в добром здравии. Сейчас же... Ему должно быть за семьдесят. Может, больше. А может, и меньше. У мамы в разные годы были мужчины и младше ее намного и столь же намного старше. Впрочем, ровесники тоже попадались. Мама в отличие от меня могла похвастаться насыщенной событиями личной жизнью. Она находилась в

постоянном поиске и именно этим моментом, как мне казалось, наслаждалась больше всего. Стабильные отношения ее не устраивали. Семейная жизнь с одним мужчиной тут же оборачивалась скукой и тоской. У мамы было коронное выражение: «Я не грущу, я тоскую. От грусти невозможно умереть, а от тоски сердце остановится в любой момент». Мама начинала тосковать, едва добившись своего – мужчины, новой жизни, совместных планов и новой кровати. Кто-то меняет постельное белье, занавески, полотенца, посуду и сковородки, а моя мама с началом нового жизненного этапа меняла диваны, кровати, кушетки. В нашей квартире и в чужих. Ей непременно нужно было начать новую жизнь не с чистого листа, а с новой кровати. Вернувшись домой, она могла поставить вместо удобного дивана на кухне корявый уголок, а вместо своей кровати раскладной диван. Свою кровать я отвоевывала как могла – мама и на нее покушалась, решив, что мне нужна большая, а не узкая односпальная.

На следующий день я все же ей позвонила. Для начала решив узнать месяц рождения, записанный в ее паспорте.

– Mam, можешь посмотреть свой паспорт? Какой там месяц рождения указан? – спросила я, перед разговором приняв две таблетки пустырника.

– Зачем тебе? – удивилась мама.

– Понимаешь, Госуслуги требуют официальные данные...

– Кому они вообще нужны? Кто будет проверять? Ну июль, – ответила мама.

– Или июнь? – уточнила я.

– Может, и июнь, – мама начала раздражаться.

– Пожалуйста, посмотри. Мне нужно знать точно, – попросила я.

– Мне нужно вставать и идти в коридор, а я не хочу.

– Хорошо. Когда ты захочешь встать, поищи заодно, пожалуйста, мое свидетельство о рождении.

– Даже не собираюсь. Оно у тебя.

– У меня нет, это точно.

– Значит, и у меня нет. А что такое СНИЛС? Пошла в поликлинику, а они это требуют! Откуда я знаю, что это такое?

– Такая зеленая карточка. Мы с тобой вместе ее оформляли. Поищи, наверняка где-то лежит. Может, и мое свидетельство заодно найдешь. – Я, как могла, старалась сдерживаться.

– Как я не люблю все эти бумажки... – Мама перешла на тон, который гарантировал скандал, причем в ближайшие минуты.

– Я тоже их не люблю, но иногда они жизненно необходимы. Без СНИЛСа и медицинского полиса я тебя даже в больницу не смогу положить. – Я говорила настолько вежливо и ласково, насколько могла.

– А с чего ты меня в больницу собралась отправлять? – Мама все же закипела.

– Не собралась. Исключительно для примера. СНИЛС нужно найти. А ты, случайно, не помнишь данные моего отца? Его отчество, фамилию, дату и год рождения? – Я все еще надеялась, что будет хоть какой-то толк от моего звонка.

– Кого? – Мама по-прежнему пребывала в настроении «скандал».

– Отца. Моего. У меня же был отец. – Я держала телефон плечом и капала себе дополнительную порцию пустырника.

– Откуда? Не было у тебя отца! – объявила мама.

Я подумала и смешала пустырник с валерьянкой.

– Ты же меня не от святого духа родила! – Я пыталась пошутить, но мама юмор не оценила.

– Почему ты мне звонишь и говоришь гадости? – родительница все же завелась. – Почему нельзя просто позвонить и спросить, как мои дела, как я себя чувствую? Тебе обязательно что-то от меня нужно!

– Мам, это не так. Я звоню тебе каждый день, если ты забыла. И спрашиваю, как дела и как ты себя чувствуешь. Но сейчас мне действительно нужны официальные данные и документы. Мне нужен паспорт. И, поверь, это не прихоть – вдруг потребовать свидетельство о рождении.

– В свидетельстве не указан ни год, ни месяц, ни дата рождения родителей, – рявкнула мама.

– Откуда ты знаешь? Ты нашла свидетельство? – уточнила я с надеждой. Мама говорила слишком уверенно, будто в тот самый момент смотрела в документ.

– Нет! Я сказала, что у меня нет твоего свидетельства и никогда не было! – Она начала кричать. Еще полминуты – и заплачет. Я могла засекаать время.

– Можешь мне хотя бы отчество и фамилию отца сказать? – попросила я, пока она не бросила трубку.

– Иванов, Иванович, – ответила мама и все же нажала на отбой.

«Ну да, могла бы и сама догадаться», – сказала я сама себе.

Получалось, что мой отец был Ивановым Иваном Ивановичем. Ну, практически мистер Джон Смит. То есть шансы его найти стремились к нулю. Проще было поверить в непорочное зачатие.

Одним из вечеров – тихих и молчаливых, как сложилось в нашей семье, я все же решила оторвать Степана от прочтения мемуаров Генри Киссинджера. Впрочем, мой супруг находился в начале первого тома, а их, томов, было столько, что я искренне позавидовала Киссинджеру, его богатой событиями жизни. Мои мемуары не потянули бы даже на тонкую брошюрку.

- Ты знаешь, я решила найти своего отца. Думаешь, это хорошая идея? - спросила я.

- Кого? - Степан от книги не оторвался. Я точно проигрывала Киссинджеру.

- Отца. Своего. Родного. Биологического, как сейчас принято говорить.

- Зачем? - спросил Степан. Киссинджер явно был увлекательней моей семейной истории.

- Затем, - буркнула я. - Захотела найти свои корни, узнать предков. Многих посещает такое странное желание.

- Ладно, - ответил Степан.

- Прохладно, - не задержалась с ответной репликой я. Мои ученики так говорят, ну и я от них набралась. Мои любимые одиннадцатиклассники, с которыми я могу шутить, смеяться, дурачиться. Которым могу преподать тот русский язык, который люблю сама. Без тестов ЕГЭ, без нескончаемых галочек и табличек. Я честно у них спросила, что они хотят от меня получить на уроках. И они ответили - чего угодно, только не егэшные тесты. Для этого у них есть репетиторы. Я обожала своих выпускников. Ради этих уроков, наверное, и работала в школе. Эти дети, уже совсем взрослые - умные, серьезные, талантливые, - разрешали мне творить, размышлять, получать настоящее удовольствие от профессии. Ученики щедро делились со мной современным сленгом и аббревиатурами, которые были в ходу у молодежи. Мне с профессиональной точки зрения было невероятно интересно, и они чувствовали мою искренность. Впрочем, многое я не принимала, о чем сразу же предупреждала - звуковые сообщения, игнорирование знаков препинания в переписке в мессенджерах. Особенно в обращениях. Но, например, прилагательное «ламповый» мне нравилось. «Ламповая встреча». Да, уютная, тихая, интимная, под лампой.

- Может, не стоит? - спросила я у Степана.

- Может, не стоит, - пробубнил он.

Прекрасный муж. Очень тактичный и вежливый.

Пока я думала, почему все еще живу со Степаном, позвонила Маруся. Если бы она мне не звонила в момент тяжелых раздумий... Настя и ее дети возвращали меня к реальности. Ради них хотелось жить дальше.

- Тетя Аня! - завопила в трубку Маруся, перекрикивая среднюю сестру и младшего брата. - Опять сочинение на завтра задали! Срочно!

- И что? Тебе тема не понятна? - уточнила я.

- Тема понятна! Как писать непонятно! - орала Маруся.

- Почему ты еще не спишь? Уже половина одиннадцатого, - спросила строго я.

- Заснешь тут с ними! Можно потише? Мне еще географию делать! - Маруся горько расплакалась.

- Так, географию сделаешь на перемене. Спиши у одноклассников, в конце концов. Сочинение я тебе напишу. Утром встанешь и перепишешь. Сейчас спать. Немедленно. Я тебе дарила маску для сна и затычки в уши. Самое время ими воспользоваться. Поняла?

- Спасибо, тетя Ань.

Маруся меня любила, я это знала и чувствовала. Я была ей нужна. Только она могла позвонить просто так и спросить, ловила ли я сегодня снежинки ртом. Или валялась ли в опавших листьях, которые собрал дворник. Маруся была романтической мечтательницей. Она чувствовала язык, красоту выражений. Ей нравилось фантазировать. Она не боялась спрашивать.

- Тетя Ань, а почему рассвет румяный? И почему тогда на пироге румяная корочка? Или пирог подрумянился, то есть почти сгорел? Рассвет ведь как румяна розовый, а не как сгоревший пирог, - спрашивала Маруся. - А почему утро прозрачное? А почему...

Я выходила на улицу и ловила снежинки ртом, чтобы потом описать Марусе ощущения. Ложилась на опавшие листья или в сугроб. Делала то, что и Маруся. Мне было важно передать ей краски, эмоции, полутона прилагательных...

- Ну что, звонила? - Настя забрала телефон у дочери.

- Звонила.

- И что? Узнала?

- Ага. Моего отца звали Иванов Иван Иванович.

Настя выругалась.

- Пожалуйста, не выражайся при детях, - попросила я в стоимиллионный раз.

- Ну подбери мне синонимы, - хохотнула Настя.

- Блин, ужас, кошмар, жуть, зашибись, - ответила Маруся на заднем фоне.

- Нет, Маруся, иногда ненормативная лексика может быть как никогда уместной, и тетя Аня тебе это подтвердит, - заявила Настя.

- Да, подтверждаю, - ответила я, - но не стоит это повторять в стенах школы.

- Ты сказала Степану? - спросила Настя.

- Сказала. Но эта информация не заставила его отвлечься от мемуаров Киссинджера, - призналась я.

Настя снова выругалась.

Это может показаться странным, но меня действительно никогда не заботило собственное происхождение. Я не искала предков, не пыталась выстроить генеалогическое древо. В детстве я вполне попадала под норму - у многих детей не было отцов. Или они напоминали о себе только алиментами. Скорее, полные

семьи, а уж тем более многодетные, считались чем-то удивительным. Даже рождение второго ребенка имело веские причины. Или появление у мамы нового мужа, которого требовалось «удержать общим ребенком». Или если муж рассчитывал на появление наследника, а рождалась девочка. Тогда да, женщины предпринимали вторую попытку. Была, конечно, еще одна распространенная причина – если муж решил уйти из семьи и его опять нужно было «удержать всеми способами». Самый простой – забеременеть. По закону мужчина не мог развестись с женой до того времени, пока ребенку не исполнится год. А за это время многое могло измениться. Не каждая любовница согласится ждать. Настя, например, как раз была вторым ребенком, который выполнил свою миссию – отец не ушел из семьи. Светлана Петровна, Настина мать, нежная, хлопотливая, заботливая с внуками, идеальная бабушка, так и не смогла простить мужу измену – спустя годы и десятилетия пилила его каждый божий день, припоминая, упрекая, проклиная. Настин отец стоически терпел. Однажды признался, что не зря – ради счастья видеть внуков. Он стал замечательным дедушкой – часами гулял с коляской, играл, читал, пел песни, носил на руках, укачивая.

Словом, ничего необычного в том, что я в детстве не искала своего отца, не было. У меня часто менялись отчимы, и я росла с четким осознанием, что только мама может быть постоянной величиной, а мужчины в семьях обычно не задерживаются, и на них рассчитывать точно не стоит. Они уйдут, исчезнут так же неожиданно, как и появились, а мать останется. И мне с ней жить дальше. Один эпизод лишь подтвердил этот факт.

Дядя Миша мне очень нравился. Можно сказать, я его любила. Он меня смешил, покупал мороженое, иногда варил кашу утром. Был очень добрым и никогда ни в чем не отказывал. Помогал делать математику и рисовать контурные карты. Если я плакала, старался насмешить и успокоить. У него всегда находилось на меня время. Если что-то требовалось – деньги на карманные расходы, разрешение поехать с классом на экскурсию или ходить после уроков на хор, – я шла не к маме, а к дяде Мише. И уже он объяснял маме ситуацию, и я получала разрешение от родительницы. Не знаю, почему мама решила расстаться с дядей Мишей. Я уже надеялась, что он останется с нами если не навсегда, то надолго. Для меня наступило счастливое время – я перестала ходить на продленку и вечером к нам не приходила мамина лучшая подруга тетя Наташа со своим сыном Димкой. Он был младше на четыре года, и мне его хотелось придушить. Димка старательно доводил меня до того, чтобы я схватила его за руку и сделала «крапивку» – когда держишь руку обидчика и крутишь ладонями в разные стороны. Димка немедленно начинал вопить на весь дом. На крики

прибегала тетя Наташа и долго рассказывала, какой отвратительной девочкой я расту. Димка за спиной матери хихикал и корчил рожи. Тетя Наташа жарила на ужин отвратительную картошку с мясом и заставляла меня ее есть. Димку она кормила отдельно – макаронами с котлетой, которые приносила из дома. Мне казалось, что тетя Наташа специально, от ненависти ко мне, пересаливает картошку, а мясо жаривает до черных корочек. Как-то она пожарила на ужин грибы с картошкой и заставила их съесть. Очнулась я в больнице – острое отравление. Я говорила маме, что тетя Наташа хотела меня отравить, но мама отмахнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/masha-traub/nevozvratnyy-bilet>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)